

УДК 418.2 + 8.08
ББК 81.07 + 83.011.7

Л. Р. Рабданова

*аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (п. Агинское, Россия),
e-mail: Lkhama@list.ru*

Субъективированное повествование как компонент языковой композиции текста (на материале прозы В. Маканина)

В статье рассматриваются особенности использования субъективации как компонента языковой композиции с точки зрения графической маркированности текста. Специфика данного явления рассматривается автором статьи на материале произведений В. Маканина «На первом дыхании» и «Испуг». Субъективация – это важнейший аспект в изучении языковой композиции. Анализ явлений графической маркированности (графические и пунктуационные средства) показал, что в тексте преобладает выделение слов и предложений курсивом. Графическая маркированность явлений субъективации способствует его лучшему пониманию и осмыслению, при этом видоизменяется традиционное повествование и отмечается новый процесс развития речевой коммуникации, т. е. можно говорить о модификации языковой композиции.

Ключевые слова: языковая композиция, субъективация, графическая маркированность текста, словесный ряд, образ автора, образ рассказчика.

L. R. Rabdanova

*graduate student, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Aginskoye, Russia),
e-mail: Lkhama@list.ru*

Subjectivized Narration as a Component of Linguistic Composition of the Text (Based on V. Makanin's Prose)

This article discusses the features of subjectivation as a component of the linguistic composition in terms of graphic text marking and analyzes the specific character of the given phenomenon in Makanin's works *At First Breath* and *Fright*. Subjectivation is the most important aspect in the study of the language composition. The analysis of graphic text marking (graphic and punctuation means) shows that italicized words and sentences prevail in the texts under consideration. Graphic marking of subjectivation phenomena helps the reader to understand the texts better. The author points out that traditional narration techniques change and a new process in the development of speech communication takes place, i. e. one can speak about modifying the language composition.

Keywords: linguistic composition, subjectivation, graphical marking, verbal series, author's image, narrator's image.

Субъективация является важнейшим аспектом в изучении проблемы языковой композиции, исследованию которой посвящён ряд работ, среди которых для нас особое значение имеют труды В. В. Виноградова, В. В. Одинцова, А. И. Горшкова, Г. Д. Ахметовой. В работах этих ученых показана, прежде всего, актуальность проблемы субъективации, а также даётся классификация приёмов субъективации. Композиционную значимость субъективации определяет В. В. Одинцов, выделяя классификацию форм субъективации, в частности конструктивные (формы представления, изобразительные формы, монтаж) и речевые формы (прямая

речь, несобственно-прямая и внутренняя речь). Автором исследуется влияние субъективации на композицию произведения, эффект усложнения повествования за счёт конструктивных форм. А. И. Горшков под субъективацией понимает «передачу повествования рассказчику; смещение точки видения из «авторской» сферы в сферу персонажа» [6, с. 193]. Явление субъективации продолжает привлекать исследователей (Н. Н. Глухоедова, А. В. Иванова, Э. Н. Поляков, Г. Б. Попова, Ю. В. Цинковская). Авторы указывают, что субъективированное повествование является важным компонентом языковой композиции.

Г. Д. Ахметова в своём исследовании обращает внимание на композиционную особенность текста, которая связана с личностным началом самого литературного языка (и шире – реальной действительностью) [3, с. 102]. Рассматривая в своей работе явную и неявную субъективацию, автор связывает выявление данных видов с вопросом о явном и неявном рассказчике, поскольку считает, что явный рассказчик как организующий композиционный центр повествования является основой построения текста с открытой композицией, а неявный рассказчик – это, соответственно, основа построения текста с закрытой композицией. Необходимо отметить, что различие между явным и неявным рассказчиком заключается не в способе выражения (формальный способ выражения – грамматическое лицо), а в композиционном развёртывании словесных рядов. Примерами неявной субъективации могут выступать авторские отступления, рассуждения, так как являются отражением точки зрения того или иного образа. Кроме этого, виды явной и неявной субъективации как композиционная часть образа автора могут быть связаны с персонажами [3, с. 103].

О наличии субъективации можно судить по характеру авторского повествования, поскольку оно имеет возможность «смещаться в сферу сознания кого-либо из персонажей» [7, с. 204]. Являясь организующим началом текста и центром языковой композиции, категория «образ автора» способна реализовываться в разных проявлениях (образ рассказчика, диалогические формы, комментарии к речи и действиям персонажей). Автор-личность и образ автора могут быть близки друг другу, но их нельзя отождествлять. Образ автора взаимодействует со сферой героя (персонажа), характеризуясь своей «внеаходимостью» по отношению к последнему, что свидетельствует о его взаимодействии с явлением субъективации.

Важным в изучении субъективации повествования является понятие точки зрения, которая обуславливает композиционные особенности развёртывания и состав словесных рядов, образующих эти соотнесенные и взаимодействующие сферы [6, с. 193]. Мы считаем, что точка зрения определяет языковое сознание героя, его непосредственное языковое восприятие действительности к ней. Поэтому явления субъективации в тексте могут употребляться, сменяя друг друга, в то время как точки зрения могут перемещаться в сферу сознания персонажа.

Субъективация авторского повествования осуществляется с помощью определённых видов язы-

кового выражения, которые в некоторых случаях графически маркированы и определяются перемещением субъективированных точек зрения.

Графическая маркированность текста наблюдается при совпадении, наложении явлений субъективации и графического словесного ряда [4, с. 87]. Графическая маркированность художественного текста подчёркивает особенности творческого проявления писателя в отборе графических средств и композиции графических частей. При этом наблюдается усложнение графической организации современного художественного текста, которое связано с усилением визуализации в современной культуре за счёт изменения функций знаков препинания, расширения возможностей их варьирования. В составе языковой композиции текста наблюдается наличие графических словесных рядов и курсивное выделение слов, частей текста и т. д.

Благодаря авторскому выделению отдельных фрагментов текста с помощью особых шрифтов, закладывается однозначное авторское смысловое выделение тех или иных фрагментов текста; оригинальная графическая форма может быть заключена в отдельную строчку, в абзац или строфу, может охватывать главу произведения или весь его текст. В результате графической маркированности происходят грамматико-графические сдвиги, к которым можно отнести особенности шрифта (крупный, жирный, курсив и др.); специальные значки (звездочка и др.); квадратные скобки и др. Г. Д. Ахметова отмечает: «Сдвиги (или изменения), происходящие в языке современной прозы, представляют собой либо движение от ошибок к норме, либо нарушение норм» [2, с. 20]. Действительно, в текстах современной прозы наблюдаются, как пишет Г. Д. Ахметова, «живые процессы» [2, с. 25], которые обусловлены композиционными изменениями авторского повествования.

При исследовании особенностей графической маркированности текста представляется важным обратиться к креолизованным текстам, которые, по словам Е. Е. Анисимовой, «являют собой “сложное текстовое образование, в котором иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата”» [1, с. 17]. Выразительные возможности компонентов креолизованных текстов (изображение, цвет, шрифт, надписи, ненормативное написание слов, ненормативное употребление пунктуационных знаков) усложняют языковую композицию, происходит её модификация. Наиболее часто употребляющимся приёмом грамматико-графических сдви-

гов является шрифт – необходимый элемент креолизованного текста, который выполняет смысловыделительную, экспрессивную и другие функции. Так, шрифт способен выделять наиболее важные по смыслу части вербального компонента (отдельные слова, словосочетания, предложения, абзацы) и акцентировать на них внимание адресата. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект.

Проанализируем графическую маркированность явлений субъективации в произведениях В. Маканина «На первом дыхании» и «Испуг», где субъективированное повествование наблюдается в тех случаях, когда субъективность автора, индивидуальность авторского мышления отражаются в языковой структуре образа рассказчика.

Обратимся к повести «На первом дыхании», в которой субъективированный характер повествования передаётся от лица рассказчика, восприятие и оценка действительности подчёркивается с позиции конкретного лица – главного героя Олега Чагина: «Если брат эпитафия, я наверняка знал бы, что очень в данном случае подходит и очень мне нравится: КОГДА ЛЕГКОВЕРЕН И МОЛОД Я БЫЛ. Вот именно. Эта строка.

Легковерен. Такое вот удивляющее слово – и чем дольше в него вдумываешься, тем на душе лучше» [10, с. 159].

Данный эпизод подчёркивает авторское восприятие, его отношение и оценку «состояния» молодости. В авторском повествовании отметим маркировку, графически выделенное крупным шрифтом выражение «КОГДА ЛЕГКОВЕРЕН И МОЛОД Я БЫЛ». Приведём пример: «Легковерен. Такое вот удивляющее слово – и чем дольше в него вдумываешься, тем на душе лучше» – уже переводят точку видения на главного героя повести, и далее начинается повествование от лица рассказчика: «Вокруг была степь. Полынь, и цвет этой полыни если не совсем белый, то белёсый. А посерединке этой сплошной белёсости, как в молоке, плавало десятка полтора крохотных домишек. Полтора десятка домишек – не больше. И вот там я работал.

Мне было двадцать пять, и ни цыкать, ни шуметь на меня было нельзя; противопоказано. И потому, едва лишь Громышев начал шуметь, стало ясно, что я сбегу – именно сбегу.

– А ну не ори на меня!

Я мог бы, конечно, сказать Громышеву «не орите». Все-таки начальник» [10, с. 159].

В данном композиционном отрезке отмечается явная субъективация, формальным показателем которой является личное местоимение.

Здесь интерес представляет языковая организация рассказчика: плавало десятка полтора (не точное количество, а примерное, это речевой поток того, кто видит со стороны – видение рассказчика) крохотных (прилагательное со значением субъективности) домишек (суффикс субъективной оценки); ни цыкать (разговорное), ни шуметь (ни...ни – отрицательная конструкция) на меня было нельзя; противопоказано. И потому, едва лишь Громышев начал шуметь, стало ясно, что я сбегу – именно (уточнение: сбегу... именно сбегу и повтор) сбегу.

Следует отметить, что графическую маркированность явлений субъективации представляют приёмы, стилистически отличающиеся от остального повествования: «Я остался один. Был выбор. Заночевать в этой авосечной лаборатории. Или же ещё раз порадовать Бученкова и его тещу. Вот именно. Лечь на этом столе и спать, и чтоб в голову лезли всякие нехорошие сравнения.

Я лежал на спине, заложив руки за голову, – люблю эту позу. Темно и жутковато, даже уличная подсветка не чувствуется. И неясно, где я. В дороге? В кукуевских степях? Или просто в канаве? Однажды я замерз и спал в хлебе. Залез в зерно, в бурт, – только нос наружу. Господи, неужели ж я в Москве? Уже в Москве? Подумать только!» [10, с. 170].

Из приведённого контекста видно, что автором используется вид словесной субъективации – внутренняя речь, с помощью которой автор выделяет особый момент в жизни персонажа, раскрывая при этом чувства и ощущения героя. Вслед за Г. Д. Ахметовой отмечаем, что характерные для внутренней речи экспрессивность, эмоциональность выражают восклицания, вопросы, которые графически выделяются тире, восклицательными и вопросительными знаками.

Графически маркированы отдельные части текста, причем заглавная буква каждой части маркирована жирным шрифтом, что, по нашему мнению, является важным для раскрытия содержания произведения. В данном случае графическая маркировка явлений субъективации представлена невыделенной прямой речью, о чём свидетельствует ремарка (говорил). В то же время на субъективацию повествования указывает передача речи рассказчика с помощью разговорно-просторечных словесных рядов: «Я шёл ночными улицами, и на душе была какая-то собачья тоска. Ни фонари ночные не трогали. Ни небо. Ни высокие дома. Я шёл, выжатый, как лимон. И никому не нужный. Ну-ну, говорил я себе. Это на тебя не похоже» [10, с. 209].

Между тем, обращаясь к вышеприведённым примерам, отмечаем, что внешние знаки текста (не только буквенные и пунктуационные, но, к примеру, и пробелы между частями текста) в совокупности определяют графическую форму, созданию которой автор уделяет особое внимание, подчёркивая оригинальность использования графического приёма.

Таким образом, в повести описывается один из эпизодов жизни молодого героя-рассказчика, где все названные языковые признаки образа рассказчика организуют субъективированное повествование и графически маркированы.

Обратимся к роману «Испуг», где наблюдается усиление графической стороны повествования, характерной для прозы В. Маканина: «И беседа состоялась. Я был зван по-светски – к пяти. Намекалось, что у них на даче в это промежуточное время и провисающее время – чай. Вернее сказать, кофе. Мы пили кофе. Аня сразу и очень мило провела меня не к запахам кухни, а в гостиную... В эту самую всю в спокойных обоях, салатную гостиную. Мир во человецех.

За кофе я вполоборота мог видеть чуть приоткрытую дверь «лунной» спальни. (Днём это совсем другое, скучное место. Не узнать!) Мы беседовали. Аня заботливо, но и с улыбкой, с лукавинкой в голосе заливала мне про незадавшуюся любовь и что нас с ней развело само Время. (Старым психам наверняка же интересно время.) В принципе, я ей нравлюсь, очень нравлюсь, но уж так случилось... разный возраст! Вот и разошлись...

– Как корабли, – кивнул я.

Я поддакивал. Тоже улыбался. Мне главное, что такая красавица – и вот ведь рядом, беседует со мной. Как-кая! И голос, голос её! И кофе был со сливками.

Разок меж нашей (с Аней) гостиной и спальней (тоже ведь отчасти *нашей* на нейтральном пространстве возник муж. Шел на кухню. (Игорюнич, так она его окликнула ночью) [9, с. 18].

В данном композиционном отрезке отмечается графическое разнообразие проявления приёмов субъективации – скобочное оформление (композиционные вставки), курсив, многоточие. Повествование ведётся от первого лица – главного героя-рассказчика. Старик Алабин приглашён на беседу с молодой, понравившейся ему женщиной Анной. На субъективированность повествования указывают вводные конструкции (намекалось, вернее сказать). Между тем отмечается характер беседы, отношение рассказчика к данной встрече (по-светски, в гостиной); в то же время автор обращает внимание на цветовой фон гостиной и настроение героя-рассказчика, используя многоточие (Аня сразу и

очень мило провела меня не к запахам кухни, а в гостиную... В эту самую всю в спокойных обоях, салатную гостиную).

Здесь значение имеет лексико-семантический уровень текста, выраженный восприятием героя по отношению к концепту «Время». В тексте слово маркировано, обозначено с большой буквы. Это же восприятие героя маркируется оформлением в скобки (таким образом композиционно обозначена его внутреннюю речь): «Аня заботливо, но и с улыбкой, с лукавинкой в голосе заливала мне про незадавшуюся любовь и что нас с ней развело само Время. (Старым психам наверняка же интересно время). На приподнятость настроения героя-рассказчика указывает экспрессивная лексика (с улыбкой, с лукавинкой в голосе заливала).

Также наблюдаемые разговорные синтаксические конструкции «Я поддакивал. Тоже улыбался. Мне главное, что такая красавица – и вот ведь рядом, беседует со мной». Графическая маркированность проявляется следующим образом: вставка-уточнение (меж нашей (с Аней) гостиной и спальней); вставка и курсив (тоже ведь отчасти *нашей*); передача звучащей речи в слове «как-кая!», восклицание подчёркивают графическую маркированность явлений субъективации в повествовании рассказчика.

Композиционно-графическая маркировка словесного ряда позволяет также выделить настроение рассказчика во временном отношении через сравнение: «За кофе я вполоборота мог видеть чуть приоткрытую дверь «лунной» комнаты. (Днём это совсем другое, скучное место. Не узнать!)». Функция сравнения реализуется через заключение слова в кавычки и вставку-объяснение. Во вставной конструкции словосочетание «совсем другое» употребляется в значении отрицания («не такое, как...»). Кроме того, прилагательное «лунная» образовано от слова «луна», а луна – признак ночи. Таким образом, условно можно сказать, что в данных предложениях сравнение образовано с помощью «скрытых» антонимов «ночь-день»: (...«лунной» комнаты. Днём совсем другое...).

В произведении чаще всего отмечается курсивное выделение, которое участвует в создании интонационного рисунка высказывания; служит средством увеличения эмоциональной нагрузки речи и представлено в основном на протяжении произведения на лексическом уровне. В эпизоде «Ничуть он меня не достал – он мне понравился, этот их Башалаев. *Гений с пронзительным взглядом*, так они его меж собой называли. Ярлычок, как водится, льстив. Но что-то настоящее, похоже, там есть. И показалось (поверилось), что этот *с взглядом* не станет лгать или вредить старику (мне) за просто

так» [9, с. 30] выражено отношение персонажа к другому лицу. Несмотря на то, что герой положительно отзывается о Башалаеве, курсивное выделение усиливает иронический характер, подчёркивая недоверие к нему. Являясь основой смыслового выделения, важного с точки зрения высказывания рассказчика, слова, выделенные курсивом, способствуют акцентированию особенностей мыслительного процесса персонажа, отмечают важность этого процесса: «Я же, сдерживая улыбку, думал о заключении врачей. Я был здоров. Я был здоров!.. Я был совершенно здоров! Единственное, что в профессорских каракулях настораживало, так это каменное слово НЕАДЕКВАТЕН. Я раздумывал над ним, жуя котлету за котлетой. То есть как это теперь понимать?.. Психика в норме (записано!). Никакой патологии нет (записано!). Однако *временами неадекватен по отношению к реалиям жизни.*

А дальше для баланса ещё одно интересное слово. *Неадекватность воображения пациентом, впрочем, контролируется*» [9, с. 53].

В этом фрагменте графический словесный ряд передаёт внутреннюю речь героя-рассказчика, которая характеризуется усилением восклицательной конструкции (Я был здоров. Я был здоров!.. Я был совершенно здоров!). Маркировка слова крупным шрифтом, обозначая психическое состояние героя, раскрывает его отношение к событиям. Вставка со значением добавочной информации (записано!), выделенная с помощью скобок, усиливает субъективированность повествования восклицательной интонацией.

На синтаксическом уровне отмечается курсивное выделение явлений субъективации, которая обозначает внутреннюю речь. На наш взгляд, графической маркировкой определена невыде-

ленная прямая речь на разных уровнях (простая и сложная синтаксическая конструкции): «Чуть что бросал работу. Скучно ему. Отвратно ему. *Меня, дед, от них ломает!* – так он объясняет своё тотальное бездействие» [9, с. 97]; «Иваныч шёл со мной шаг в шаг. Всё нервничал. (Когда я открывал калитку, он глотал слюну). Но в саду я уже был один. *Обогнуть дом и войти внутрь со стороны веранды – там легко открывается дверь.* Мы много раз это прикидывали» [9, с. 148].

Итак, на примере произведений В. Маканина «На первом дыхании» и «Испуг» мы рассмотрели графические изменения явлений субъективации, которые, активно взаимодействуя друг с другом, усложняют его языковую композицию. Следовательно, анализ явлений графической маркированности (графические и пунктуационные средства) показал, что в тексте преобладают выделения слов и предложений курсивом; вставные слова и конструкции, которые представляют внутреннюю речь и невыделенно-прямую речь, ремарки и вместе с тем являются следствием грамматико-графических сдвигов в тексте. Подобная распространённость явлений в текстах характеризуется коммуникативной нормой креолизованного текста, в оформлении которого немалая роль принадлежит воображению, фантазии и эстетическому чутью автора.

Таким образом, графическая маркированность явлений субъективации, обозначая экспрессивность языковой картины художественного текста, способствует его лучшему пониманию и осмыслению, при этом видоизменяется традиционное повествование и отмечается новый процесс развития речевой коммуникации, т. е. можно говорить о модификации языковой композиции.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Academia, 2003. 128 с.
  2. Ахметова Г. Д. Живая графика. Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия <<Филология, история, востоковедение>> / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. 2011. № 2 (37). Чита, 2011. С. 18–23.
  3. Ахметова Г. Д. Языковая композиция художественного текста (проблемы теоретической феноменализации, структурной модификации и эволюции на материале русской прозы 80–90-х гг. XX в.): монография. М. ; Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2002. 264 с.
  4. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе: (на рубеже XX – начала XXI вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 168 с.
  5. Виноградов В. В. О теории художественной речи : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М. : Высшая школа, 2005. 240 с.
  6. Горшков А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М. : Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. 543 с.
  7. Одинцов В. В. Стилистика текста : монография. М., 1980. 264 с.
  8. Поляков Э. Н. Субъективация авторского повествования в прозе Валентина Распутина : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 198 с.
- Источники :
9. Маканин В. С. Испуг: роман. М. : Гелеос, 2006. 416 с.
  10. Маканин В. С. Собрание сочинений. М. : Материк, 2002. Т. 1. 350 с.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2011 г.